

ГЛАВА 1

«Тот, у кого нет своих детей, всегда прекрасно знает, как надо воспитывать чужих...»

Я открыла глаза и увидела двух женщин, одна из них была в голубой «пижаме», в каких ходят врачи, другая в длинном сером платье, белом фартуке и косынке с красным крестом. Стоя спиной ко мне, они продолжали тихий разговор.

— Затравила совсем мою Машку. Мол, и бегают моя дочь на переменах, и голос-то у нее слишком громкий, — жаловалась доктор.

— Так радоваться надо, что ребенок активный, значит, здоровый, — сказала ее собеседница. — Хуже нет, если дитя букой в углу сидит.

— Ксюшенька, у тебя свои дети, поэтому ты меня понимаешь. А наша училка старая дева, зудит осенней мухой: «Первоклассник обязан молча работать во время урока, а на перемене ходить по коридору мерным шагом, заложив руки за спину». Это заявление я на родительском собрании слышала. А теперь скажи, найдется ли хоть один семилетка, способный так себя вести?

— Похоже, педагоги мечтают учить глухонемых детей в инвалидных колясках, — раздраженно подхватила Ксения, — те уж точно бегать не станут. И чтобы отцы у них были сплошь олигархи, кото-

рые давали бы школе несметные деньги. Вечно от родителей что-нибудь требуют — то занавески купить, то оборудование для спортзала. А туалетная бумага? С каждого ребенка в месяц по рулону! Да еще по бутылке жидкого мыла. И цветы-подарки к каждому празднику. Представляешь, наш физкультурник разозлился, что ему ко дню рыбака родительский комитет конверт с купюрами не вручил, и всему классу неуды вlepил. Кстати, вот что интересно, многие учителя двойки детям ставят, идиотами их обзывают, а как только родители кого-то из них репетитором наймут, сразу меняются: «Сюсю-сю, Машенька такая молодец, чмок-чмок, у нее пятерочка».

Я медленно села, и кровать закрипела. Болтушки обернулись, врач обрадовалась:

— Евлампия Андреевна, наконец-то вы очнулись! Как самочувствие?

Ксения, не говоря ни слова, убежала.

Я потеряла ладонью лоб.

— Добрый день.

— Утро, — поправила врач. И уточнила: — Восемь часов. Давайте познакомимся. Я — Валерия Львовна, дежурный терапевт. А как вас зовут?

— Лампа, — привычно ответила я. И слегка удивилась вопросу: — Но вы же знаете, как меня зовут, только что произнесли мои имя и отчество.

— Ой, какая вы умница! — обрадовалась Валерия. — Теперь скажите: где вы сейчас находитесь?

— Судя по интерьеру, в больнице, — протянула я.

— Молодчина. Просто герой! — рассыпалась в похвалах Валерия Львовна. — А как сюда попали?

— Не знаю, — растерялась я.

— Не беда, — улыбнулась врач, — это не самое страшное. К нам иногда привозят людей, которые не могут сообразить, какого они пола, мужского или женского. И ничего, через месяц-другой все у них налаживается.

Дверь палаты распахнулась, внутрь ворвалась орава людей с воздушными шариками, флажками и букетами.

— Лампудель, узнаешь меня? — спросила шагавшая впереди всех Катя. В руках моя подруга держала большую спортивную сумку. Следом за Катей шел юноша с плюшевым медведем.

Я закуталась в одеяло.

— Нет! Вы кто?

Все замерли. Лицо Кати на секунду приняло озабоченное выражение, но потом его сменила широкая улыбка.

— Лампуша, не переживай, ты обязательно поправишься.

— Вот и отлично, что ты все позабыла, — обрадовалась высокая стройная девушка. — Значит, больше не будешь злиться за разбитую мной лампу.

— Лиза, убитый тобой светильник навечно останется в моей памяти, — заявила я. — Увидела его в Питере и очаровалась — основанием лампы с красивым абажуром была статуэтка кошки, сидящей в кресле и читающей книгу. Я везла ее в Москву на груди, боясь повредить, она жила у меня на тумбочке два года. А потом приехала Лизонька и... бумс, нет моей кошки.

— Ты все помнишь! — засмеялась Катюша.

Я спустила с кровати ноги и стала нашаривать тапки.

— Вас забудешь... Зачем пришли?

— Палату празднично украсить, — сообщил Кирюша, — чтобы тебе, Ламповецкий, весело стало.

— Только занавески менять не будем, — заметила Лиза. И все рассмеялись.

— Больная не знает, как сюда попала, — сказала врач. — Екатерина Андреевна, вы же медик, а притащили цветы и мягкую игрушку. Что бы сами-то сделали у себя в отделении с родственниками, которые принесли больному медведя и пионы?

— Плюшевого зверя вон, букет на первый этаж в ларек с книгами, — ответила подруга. — Ни инфекция, ни аллергия мне у пациентов не нужны.

— Ну вот, — кивнула Валерия Львовна. — А тут нарушаете?

— Хорошо хоть они собак не привели, — ухмыльнулась я.

Катя открыла спортивную сумку, которую успела поставить на пол. Из ее недр, обиженно сопя, выбрались мои мопсихи Фира и Муся, одетые в нечто белое, похожее на футболки.

— Ой! Какие хорошенькие! — умилилась Валерия. — Только с животными в клинику никак нельзя.

— Это медсестры, — поправил Кирюша, — средний медперсонал широкого профиля. Видите — обе в халатах. Я полночи им спецодежду шил.

— Девочки! — позвала я.

Фира и Муся взвизгнули и бросились к кровати.

— Не дай бог заотделением появится, — занервничала Валерия, — вломит он мне за присутствие ваших медсестер. Ладно, вы тут пока пообщайтесь, а я в коридоре покараулю, и если начальство с обходом покажется, сразу шумну.

Катя взглянула на меня:

— Правда ты не знаешь, как очутилась на койке, или опять нас разыгрываешь?

— На сей раз честно говорю, — вздохнула я. — Это плохо? У меня что-то с головой?

— Что последнее в памяти задержалось? — осторожно поинтересовалась Катюша. — Только не вставай!

Я снова залезла под одеяло, оперлась спиной о подушку и начала перечислять:

— Был четверг. У Макса в одиннадцать утра самолет в Австралию, у нас там клиент. Я проводила его в Шереметьево. В час дня вернулась домой, и сразу позвонил Макс, сообщил: вылет задержали, только что их повели на посадку, через тридцать минут взлет. А дальше... Что делают француженка, немка, англичанка и русская, когда муж отбывает из дома на целый месяц? Парижанка спешит к любовнику, бургерша отправляется за покупками, англичанка рулит на экскурсию, а мы, русские, затеваем генеральную уборку, потому что мужчина в доме жуть как наведению порядка мешает.

— Главное, не давать ему вынести мешок с ненужными вещами на помойку, — подала голос из коридора Валерия Львовна, не закрывшая за собой дверь в палату. — Мой Коля всегда в него нос сует — и, глядь, назад барахло прет. Все-то ему нужно, и деревяшки поломанные, и гвозди, и штаны, которые в последний раз десять лет назад натягивал, не важно, что за эти годы пузо отрастил, брючата даже на одну ногу не налезут.

— Макс такой же, — усмехнулась я. — Поэтому я решила использовать его отсутствие по полной

программе. Притащила лестницу, полезла занавески снимать, их давно пора было в чистку сдать, и...

Я замолчала.

— И? — повторила Лизвета.

— Дальше какие-то обрывки, — призналась я. — Вроде ты пришла... потом свет яркий, прямо в глаза... Что это было? Ой, погодите... Доктор сказала, что сейчас восемь утра. Значит, сегодня уже не четверг, а логично предположить, что пятница.

— Отлично соображаете, — приободрила меня Валерия, — кое-кто из здоровых на это не способен.

Лиза опустила на край кровати.

— Думаю, Лампудель, ты должна сделать кафе «Рыба из сказки» подарок.

— Никогда не слышала о таком заведении, — удивилась я. — Где оно?

— В торговом центре в пяти минутах ходьбы от твоего дома, — уточнила Лиза. — Я поехала в магазин за подарком для подруги — она собирает кукол, а там бутик с авторскими изделиями. Долго выбирала подходящую и в конце концов жутко захотела есть. Зарулила в эту сказочную харчевню, слопала палтус, направилась к метро. И тут в животе такая революция началась! Как будто у рыбки руки с кулаками отросли и она ими меня по кишкам принялась молотить. Короче, дико в туалет захотелось. И что делать? До подземки минут десять, вокруг парк, а в паре шагов твоя квартира. Знаешь, как я обрадовалась, вспомнив о тебе!

— Лампе очень приятно слышать, что ты, Лиза, испытал позыв кинуться к унитазу, подумала о ней, — заржал Кирюша.

— Ща получишь! — кровожадно пообещала девушка.

— Эй, вы уже слишком взрослые, чтобы драться, — предупредила я, — студенты, не первокурсники.

— Он первый начал, — заныла Елизавета.

— Нет, Лизка раньше сказала, что Лампа для нее символ поноса, — возразил Кирюша.

Я хлопнула в ладоши.

— Хватит! Хочу знать, что со мной случилось. Рассказывай дальше.

— Я побежала рысью к вам с Максом, — зачастила Лиза, — по дороге начала звонить, но никто не отвечал. Решила, что ты где-то шляешься.

— Шляешься... — задумчиво повторил Кирюша. — Мама, Лизка Лампу шляхой обозвала.

— Я? Лампушу? Шлюхой? — возмутилась Елизавета.

— Шляхой, — поправил Кирилл.

— Это кто такая? — не поняла Катя.

— Женщина, которая шляется, — объяснил парень.

— Она называется шлюха, — зашипела Лиза. — Не смей ругаться!

— Я сказал «шляха», — стоял на своем Кирилл. — И, кстати, «шлюха» не ругательство, так в девятнадцатом веке называли бездельниц. Например, у Владимира Даля в словаре написано, что шлюха — это девица, которая шлендает из угла в угол, слоняется, бродит от безделья.

— Значит, Лампа грязная шмотка? — насупилась Лиза.

Я решила прервать глупый спор, грозивший перейти в рукопашную.

— Ты не дозвонишься, и дальше что?

— У меня же ключи есть, — пожалала плечами Елизавета. — Влетела в квартиру и сразу в туалет. Слышу, Фира с Мусей рыдают в гостиной, меня встречать не вышли. Подумала, что они опять лапами между диванными подушками попали, вытащить их не могут, поспешила мопсам на помощь. А в комнате...

Лиза схватилась ладонями за щеки и затрещала, как пулемет:

— Окна разбиты! Лампуша на полу! Кровью весь паркет залит! Мопсы при смерти! Вода из крана хлещет!

— Лизавета, остановись, — велела дочери Катюша. — Лампа, ты свалилась с лестницы, стукнулась головой о пол. Крови было две капли. Стекла целы. Фира с Мусей, как видишь, совершенно живы. Никакой воды и в помине не было.

— Лизка, как всегда, преувеличивает, — ехидно заявил Кирюша. — У нее вечно так: поцарапает палец, а говорит, что ей всю руку оторвало.

— Я спасла человеку жизнь! — пафосно объявила Лизавета.

— Лампе повезло, что ты пришла в квартиру сразу после ее падения и вызвала меня, — согласилась Катя. — Лампуша, ты права, сегодня не четверг.

— Пятница, — подсказал Кирюша.

Я заморгала.

— Ничего не помню про вечер четверга.

— Это пройдет, — улыбнулась Катя. — Явившись по звонку Лизы, я договорилась, чтобы тебя спешно

доставили в клинику Милова. Для меня он просто Валера. Мы с ним в одной группе в институте учились, теперь он владелец современной больницы, совмещенной с центром реабилитации. Сам, правда, сейчас в командировке в Китае, но его заместительница сразу место нашла. У тебя сотрясение мозга. Упав, ты потеряла сознание, потом очнулась, но вскоре опять отключилась.

— Ничего не помню, — испугалась я, — ни как свалилась, ни как здесь очутилась.

— Доложите обстановку, — громко произнес в коридоре мужской голос. — Больная активна? Ее фамилия Романова?

ГЛАВА 2

Катя мигом схватила Мусю и запихнула ее в сумку. Кирюша хотел взять Фиру, но та, сопя, заползла под мою подушку. В палату вошел мужчина и неодобрительно крикнул:

— Ну и ну, посетители совсем распоясались... Плюшевого уroda вон! Цветы отнесите куда хотите, оставлять их в палате нельзя! И покиньте помещение, мне надо пообщаться с больной.

— Я хирург, — сказала Катя, — лучшая подруга пациентки.

— Очень хорошо, — кивнул доктор, — просто замечательно. У нас в холле удобные кресла, там и устраивайтесь. И раз вы медик, то какого черта притащили веники с плюшевым безобразием, а?

Мои гости схватили букеты, медведя, сумку и живо смылись.

Врач сел на табуретку.

— Тихон Федорович, так меня зовут. Понимаете?

— Да, — кивнула я.

— Ага, есть контакт с орбитальной станцией, — обрадовался он. — Я невропатолог. Вам понятно последнее слово?

— Крайнее слово, — решив позанудничать, поправила я. — Последнее произносит преступник на суде. А еще его кто-нибудь говорит у могилы.

— Я задаю вопросы, вы отвечаете, — не обращая внимания на мое выступление, продолжал Тихон Федорович. — Как вас зовут?

— Лампа.

— Как вас зовут?

— Лампа.

— Как вас зовут?

— Хоть сто раз спросите, ответ будет один: Лампа! — вскипела я. И повторила с расстановкой: — Лам-па.

Невропатолог почесал подбородок.

— Первое: таких имен нет. Нельзя нарекать женщину Лампой, а мужчину Торшером.

— Можно, — заспорила я. — Хотя в паспорте у меня указано имя Евлампия. Я сообщила вам сокращенный вариант, который мне нравится больше.

— Второе: это еще тест на раздражительность, — снова проигнорировал мое замечание врач. — Теперь я вижу — вы заводитесь с полоборота. Дальше. Столица России?

Я покорно ответила:

— Москва. — Не удержалась и добавила: — Доктор, я просто упала, когда снимала занавески, маразмом не страдаю.

Невропатолог задал новый вопрос:

— А государства Тувалу?

— Есть такое? — поразила я.

— Конечно.

— Не знаю.

— Хм. Минус. Сколько будет семью восемь?

Я притихла. В те времена, когда меня звали Фросенькой¹, основной моей проблемой являлась математика. Ну не видел Господь меня Пифагором, и все тут. Пока на уроках речь шла о цифрах, я еще художественно разбиралась в материале, научилась складывать-вычитать в столбик. Правда, с задачками дело обстояло намного хуже. У меня в ответах частенько фигурировали два с четвертью землекопа или половина мальчика, отдавшего яблоки одной трети девочки.

Помнится, учительница Валентина Сергеевна Подколзина тщетно пыталась воззвать к моей логике:

— Фрося, ну подумай! Как может жить половина человека? Это нонсенс.

Я согласно кивала, но про себя возражала: в задачах существуют бассейны, в которые безостановочно наливается-выливается вода. По логике вещей нужно купить пробку и заткнуть сливное отверстие, но никто этого не делал, бассейны продолжали работать в том же режиме. Та же Валентина Сергеевна каждый урок заявляет: «Вы сидите на уроке без головы». Значит, учительница признает, что ребенок,

---

¹ О детстве Евлампии рассказывается в книге Дарьи Донцовой «Маникюр для покойника».